

Призыв 1918 г. требуется для обучения строевому делу.

О времени явки призываемых на сборные пункты и о дальнейшем порядке мобилизации будет оповещено дополнительно.

За пред. ЦИК М. Ермилов»

«Этот приказ, – пишет И.П. Борисенко, – остался на бумаге, как исторический документ, свидетельствующий о серьёзных намерениях драться с немцами верховного органа Дона⁴²², *разбившихся о действительность*. Мобилизация конечно не прошла...»

О масштабах приготовлений свидетельствует Д.И. Рябышев. «С целью защиты советского Дона от контрреволюции, – пишет он, – Подтёлков обратился к правительству РСФСР с просьбой разрешить сформировать красные казачьи части в количестве 30 тысяч человек и выделить необходимые для этого вооружение, боеприпасы, снаряжение, обмундирование, продовольствие. Реввоенсовет Республики удовлетворил эту просьбу; он приказал командующему войсками Московского военного округа Н.И. Муралову отправить на Дон 30 тысяч винтовок, 36 артиллерийских орудий, упряжь, 3 тысячи сёдел, сапёрные лопаты, 30 тысяч комплектов обмундирования с сапогами, а также консервы, сахар. Были выделены и денежные средства.

...Из хопёрских, усть-медведицких казаков, крестьян предполагалось сформировать армию. Но вооружение и обмундирование поступили из Подмосковья уже после гибели экспедиции Подтёлкова. Эшелоны с оружием, боеприпасами, обмундированием были отправлены в Царицын и впоследствии поступили для снаряжения частей 9-й и 10-й армий».

В округа был разослан циркуляр, ориентирующий местные Советы на проведение мобилизационных мероприятий. Но даже если таковые и производились, то, в конечном итоге,

⁴²² Об этом же свидетельствует и А.А. Френкель. «Донской ЦИК, – вспоминает он, – не мог не видеть непрочности и шаткости Советской власти на Дону, не мог не сознавать всей опасности надвигающихся роковых событий. И, несмотря на слабость и болезненное бессилие революционных сил, он всё-таки помышлял о сопротивлении наступающей контрреволюции».

приводили к печальным последствиям. Казаки записывались и распределялись по взводам и сотням. За ними закреплялось оружие. Многие думали, что действительно будут оборонять Область от германского нашествия. Но преобладающее настроение было уже не в пользу новых властей. И когда пришло время выступать, казачьи отряды, в большинстве случаев, воевали не с немцами и не за Советы⁴²³.

2(16) апреля только лишь созданный Чрезвычайный штаб ввёл в Ростове и Нахичевани военное положение. Призывы к населению «взяться за оружие», раздавались до последних дней. Но всё было тщетно. Оружия хватало, не было людей.

Последней отчаянной попыткой переломить ситуацию явилась отправка мобилизационного отряда в северные округа. Попыткой, которая Подтёлкову и большинству его спутников стоила жизни.

8.8. ТАГАНРОГСКОЕ СОВЕЩАНИЕ УКРАИНСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ. ПАДЕНИЕ ДОНЕЦКО-КРИВОРОЖСКОЙ РЕСПУБЛИКИ. ЧЕРТКОВО

«8/IV⁴²⁴, – пишет Е. Бош, – наши войска оставили Харьков, отступив на Змиев и Чугуев. Не получая от главного штаба никаких директив и даже не зная, где он находится, мы при-

⁴²³ «...в ряде мест, – вспоминает И.П. Борисенко, – население стихийно организовывалось... В станицах проходили собрания, в округах проводились съезды, везде избирались советы обороны, куда залезали агенты белого движения и представители мелкобуржуазных партий... И мы должны констатировать, что этим движением в ряде мест к сожалению больше стали руководить донские казачьи верхи и кулачество. «Штабы обороны» производили мобилизацию казачества. Нашествие немцев, всё отправляющих себе в Германию, стояло перед населением Дона, как большая угроза хозяйству Края. Вполне понятно, что определённая часть казачества и крестьянства шла в отряды, организуемые Советами Обороны. В это же время врагами хитро плелась сеть интриг против Советской власти.

...и штабы обороны, где сидело офицерство, стремились направить свои казачьи отряды в первую очередь против большевистских войск, против «красных банд», которые изображались более опасным врагом, чем немцы».

⁴²⁴ Германские войска заняли Харьков 20 марта (9 апреля) 1918 г.

няли решение ехать в Таганрог, так как наши измученные, потрёпанные отряды совершенно не годны были для какой бы то ни было вооружённой борьбы. Кроме того, все мы (активные члены партии) считали, что настал момент срочного обсуждения в своей партийной среде вопроса о формах борьбы в создавшихся условиях и, не откладывая, принять то или иное решение. Для этого нам необходимо было поторопиться, чтобы застать товарищей на месте, так как 7/IV Таганрогский Исполком Совета принял постановление об эвакуации. Числа 10 мы прибыли в Таганрог. Тут жизнь и образ мыслей тыловых товарищей крайне поразили нас своим несоответствием с действительными условиями, создавшимися на Украине. Товарищи работали и рассуждали так, как будто Украина не находилась уже под каблуком германского юнкерства и как будто вопрос о нашем военном поражении ещё оставался открытым. В первые дни нас даже не желали слушать, не то, что разговаривать о перспективах и формах дальнейшей работы. Но постепенно, под влиянием отступлений и нарастающей угрозы Таганрогу, товарищи, сначала в одиночку, а в дальнейшем и на совещаниях, стали без гневного протеста выслушивать наши соображения насчёт роспуска ЦИК Советов Украины и дальнейших форм работы».

Как видно, дело Советов в Украине было окончательно проиграно. Перед украинскими большевиками встал вопрос, что делать дальше? К этому времени левые эсеры практически устранились от какого-либо участия в работе ЦИК Ук. Поэтому тот факт, что все ключевые вопросы, в том числе и правительственные, большевикам придётся решать самим, их не смущало.

Некоторые сомнения возникли в связи с недостаточным представительством. Но после обмена мнений, большинство согласилось, что в подобной ситуации не стоит проявлять излишнюю педантичность. Было принято решение провести партийное совещание с участием всех активных работников, находящихся в городе. Предполагалось обсудить два вопроса: о роспуске Советского правительства и об организации бюро

по предстоящему созыву партконференции большевиков Украины⁴²⁵.

Партийное совещание состоялось в Таганроге 6(19)–7(20) апреля. Присутствовало в первый день 71 человек, во второй – 69⁴²⁶. Фракция ЦИК практически в полном составе, работники киевской, полтавской, екатеринославской и иных областных организаций, эвакуировавшихся из оккупированных немцами районов.

Совещание подчеркнуло ограниченность своих полномочий и приняло следующую резолюцию: «Совещание имеет организационный характер. Его решения не являются обязательными для организаций, но служат материалом при обсуждении партийными организациями организационных и тактических вопросов партийной работы на Украине. Задачей Совещания является также создание временного центра для подготовки съезда партийных организаций коммунистов-большевиков Украины». Понятно, что после принятия подобной резолюции, все последующие решения имели лишь рекомендательный характер и были весьма условны.

Затем коммунисты рассмотрели вопрос «Об организационных формах партийной деятельности на Украине». Было внесено два предложения, создать партию, в той или иной степени подчиняющуюся РКП(б) и полностью независимую. Большинство проголосовало за второй вариант⁴²⁷. Приняли и название вновь создаваемой организации – Коммунистическая Партия (большевиков) Украины.

Начали и, на второй день работы Совещания, продолжили обсуждение предполагаемой тактики партии в сложившихся

⁴²⁵ Этот вопрос был поставлен и в экстренном порядке нашёл своё разрешение утром 6(19) апреля, ещё до начала работы Совещания. После краткого обсуждения решено было ЦИК Советов Украины распустить. Народный секретариат сохранился и переезжал в Москву.

⁴²⁶ Е. Бош отсутствовала по болезни, В.М. Примаков убыл со своим отрядом «на фронт в Ростов».

⁴²⁷ «Образовать самостоятельную коммунистическую партию, – было прописано в резолюции, – имеющую свой Центральный Комитет и свои партийные съезды и связанные с Российской Коммунистической партией через международную комиссию (III Интернационал)».

условиях оккупации. В результате была принята резолюция Скрыпника⁴²⁸, содержащая в себе констатацию фактов, оптимистичный прогноз дальнейшего развития событий и общие, отчасти теоретические, соображения о задачах и целях большевиков. Альтернативная резолюция Пятакова, куда более конкретная, нацеленная на организацию вооружённого восстания на Украине и оказания «организационно-технической помощи действующим партизанским отрядам», была Советским Союзом отвергнута.

По поводу выборов в различные представительные учреждения на территории Украины Советское правительство приняло решение – участия в них не принимать.

Советское правительство подтвердило необходимость создания центра, который должен был заниматься организацией последующей партийной работы и получил название «Организационное Бюро

⁴²⁸ Суть её сводилась к следующему:

– оккупация немцами Украины и восстановление власти Центральной рады стало свершившимся фактом. Однако «победа контрреволюции является целиком военной, но не политической, и перед пролетариатом вновь создаётся почва для успешной борьбы за социальную революцию;

– эта борьба неизбежно примет, и уже принимает, формы партизанского движения; «массы поднимаются в отдельных местностях Украины, и движение сливается в общий пожар восстания»;

– нельзя допустить, чтобы «поднимающиеся к борьбе массы рабочего класса и беднейшего крестьянства были совлечены мелкобуржуазными партиями на путь «общенациональной борьбы» с иноземными завоевателями, на путь соглашения классов и фактического отказа от классовой борьбы и классовых целей пролетариата. Поэтому задачей коммунистической партии большевиков Украины является воссоздание классовой партийной организации и её руководство в деле организации и ведения восстания рабочего класса и крестьянства против диктатуры контрреволюционной буржуазии. Партия должна резко отмежеваться от меньшевистско-соглашательских течений, признающих социальную революцию на Украине ликвидированной и предлагающих политически – встать на путь работы в рамках буржуазного парламентаризма, а организационно – поставить своей задачей исключительно текущую работу по организации агитации и пропаганды... Но вместе с тем партия должна не менее резко отмежеваться от течения эсеровского чистого инсurreкционизма, выдвигающего единственной задачей – организацию повстанческих актов хотя бы и оторванных от масс групп»;

– необходимо «выяснить массам всю зависимость успеха... восстания от сохранения и укрепления Советской власти в Российской Федерации и от дальнейшего развития мировой социалистической революции».

по созыву конференции партийных организаций коммунистов-большевиков Украины». В его состав были избраны 7 человек, причём их имена решено было не разглашать. Планировалось пригласить для работы в Бюро по одному представителю от Областного Комитета Донецко-Криворожского бассейна и от Главного Комитета Социал-демократии Украины⁴²⁹.

Решено было 7(20) июня созвать в Москве конференцию большевистских партийных организаций Украины. Организационному Бюро поручалось к этому времени разработать и представить к рассмотрению конференции проект программы вновь создаваемой партии.

На этом работа Совещания была завершена. 6(19) апреля состоялся и пленум ЦИК Советов Украины. На нём предложение фракции большевиков о роспуске ЦИК Ук возражений не встретило. Был также переизбран состав Народного секретариата, в который избраны 9 человек. Перед завершением работы пленум обратился к рабочим и крестьянам Украины с манифестом.

«...мы твёрдо уверены в том, – говорилось в нём, в частности, – что, несмотря на нашу нынешнюю военную неудачу, скоро пробьёт час смерти Центральной Рады и час окончательного торжества рабочих и крестьян Украины. Во всякой борьбе бывают не только победы, но и поражения. И напрасно надеется контрреволюционная буржуазия, что гайдамацко-германские захватчики сумеют надолго удержать власть в своих руках.

...Не успели гайдамацко-германские банды отеснить на восток советские войска, как по ту сторону, в занятой немцами Украине уже вспыхивают огни нарождающегося восстания против захватчиков и угнетателей. Встаёт рабочая и крестьянская рать, готовая грудью отстоять Украину от чужеземных грабителей. Разрозненно, то тут, то там, своими силами ведут крестьяне и рабочие эту борьбу, и мы, Советское Правительство Украины, считаем своей первейшей обязанностью всемерно содействовать этому восстанию. В нашу задачу, как рабоче-кре-

⁴²⁹ В связи с этим Организационному бюро поручалось вступить в переговоры с левыми украинскими социал-демократами по вопросу об объединении.

стьянского правительства, входит, поэтому идейная, организационная и техническая помощь восстанию...

И если наши войска, вытесненные германскими штыками из Украины на территорию Российской Федерации, не могут оттуда вести далее борьбу, всё же эта борьба вновь разгорится в самой Украине восстанием рабочих и крестьян...

В страшный час, когда решается судьба Украины, никто не имеет права уклониться от борьбы, никто не имеет права оставаться в стороне.

А потому – все по местам! Все в ряды восстающих!..»

7(20) апреля в Таганроге вышел последний номер «Вестника Украинской Народной Республики», печатного органа ЦИК Советов Украины. На следующий день Народный секретариат и Организационное бюро покинули город.

Охрану правительственного поезда осуществляли «червонные казаки» В.М. Примакова. В составе отряда оставалось менее двухсот бойцов. Проследовав через Ростов, Тихорецкую, Великокняжескую и Царицын, эшелон в начале (середине) мая прибыл в Москву.

В эти же дни решила судьба Донецко-Криворожской республики. И хотя последние дни её существования мало чем отличались от финала ЦИК Ук, пути их развития как разошлись с самого начала, так и не успели сойтись окончательно.

Если втягиванию в конфликт с немцами Донской Советской республики Совнарком энергично противодействовал, то позиция, занятая им по отношению к Донецко-Криворожской, была прямо противоположной. Ленин требовал воевать, и воевать до конца⁴³⁰. «Донецкие товарищи», на словах признавая

⁴³⁰ Ещё 1(14) марта Ленин писал Г.К. Орджоникидзе:

«Товарищ Серго!

Очень прошу Вас обратить серьёзное внимание на Крым и Донецкий бассейн в смысле создания единого боевого фронта против нашествия с Запада. Убедите... товарищей, что ход вещей навязывает им оборону, и они должны обороняться независимо от ратификации мирного договора. Дайте им понять, что положение Севера существенно отличается от положения Юга... Немедленная эвакуация хлеба и металлов на восток, организация подрывных групп, создание единого фронта обороны от Крыма до Великороссии с вовлечением в дело крестьян, решительная и безоговорочная перелицовка имею-

правоту Кремля, до поры продолжали «ухитряться». Для них главной и единственной задачей было сохранение власти. И в их представлении открытая война с немцами в любом случае ничем, кроме оккупации Донбасса, окончиться не могла. При заявленной самостоятельности оставались ещё какие-то, пусть призрачные, шансы.

Во всяком случае, вплоть до самого конца советские работники Донбасса всячески высмеивали ЦИК Ук, уклонялись от участия в его работе и пытались дать понять немцам, что они нейтральны, и для вторжения в пределы Донецко-Криворожской республики у германских войск нет ни повода, ни резона.

Неоднократно предпринимались попытки связаться с немцами по радио. Все обращения остались без ответа. Волей-неволей пришлось разворачивать мобилизацию. В рудничном крае и крупных промышленных центрах Донбасса нашлось, конечно, немало бойцов, готовых сражаться за Советы. Большинство из них вначале составили Донецкую армию, а затем отходили с Ворошиловым к Луганску и далее на Царицын.

С ухудшением обстановки среди руководящих работников вызревало понимание, что избежать эвакуации не удастся. Наблюдая быстрое продвижение германских войск, часть из них решили, что теперь с обречённым Донбассом их уже ничто не связывает, и принимали самостоятельные решения.

17 (30) марта в печатном органе Народного секретариата

щихся на Украине наших частей на украинский лад – такова теперь задача. Нужно запретить Антонову называть себя Антоновым-Овсеенко, – он должен называться просто Овсеенко. То же самое нужно сказать о Муравьёве (если он останется на посту) и остальных.

Что касается Донецкой республики, передайте товарищам Васильченко, Жакову и другим, что как бы они не ухитрились выделить из Украины свою область, она, судя по географии Винниченко, всё равно будет включена в Украину, и немцы будут её завоёвывать. Ввиду этого совершенно нелепо со стороны Донецкой республики отказываться от единого с остальной Украиной фронта обороны. Межлаук был в Питере; Артём также согласен с этим; поэтому упорство нескольких товарищей из Донецкого бассейна походит на ничем не объяснимый и вредный каприз, совершенно недопустимый в нашей партийной среде.

Втолкните всё это, тов. Серго, крымско-донецким товарищам и добейтесь создания единого фронта обороны».

появилось следующее сообщение: «Вчера заявили о своей отставке наркомы Донецкой республики Васильченко, Жаков и Филов. Мотивы пока неизвестны. Предполагается, что отставка находится в связи с тем, что их товарищи по Совнаркому не поддержали вопроса о выселении монахов из Покровского монастыря в Куряжский».

Надуманность «предлога» была очевидна для всех. Остаётся предположить, что, в частности, С.Ф. Васильченко руководствовался и иными, более прагматичными соображениями. Старый большевик и подпольщик, он, войдя во власть, успел вкусить её плоды и не собирался, по-видимому, от них отказываться. Даже будучи наркомом Донецко-Криворожской республики, связи с Доном Васильченко никогда не терял⁴³¹. И не удивительно, что уже 3(16) апреля он был назначен на должность временного чрезвычайного коменданта Ростова.

Падение Харькова предрешило участь Донбасса, но не все, конечно, согласны были сдаться без боя. Отдельные отряды продолжали преграждать немцам путь на восток. Настоящий героизм и самоотверженность проявляли железнодорожники. В уже оставленном, по существу, крае некоторые районные Советы функционировали до самого конца. Вот какую телеграмму приводит Антонов-Овсеенко: «От исполнительного комитета Донецко-Рубежанского совета рабочих и солдатских депутатов. В штаб главковерха тов. Антонова. Донецко-Рубежанский совет сообщает вам, что в окружности его все советы сбежали, остаёмся мы одни только, власть держим, не имеем никаких сил обороняться в случае посягательства на нас. Просим дать директивы, как поступить дальше, или же мы должны отсюда выехать. Председатель Чингинков. Секретарь...» Но их усилия ничего уже изменить не могли.

С середины (конца) апреля советские войска, теснимые немцами, отступили непосредственно к границам Донской области. И здесь возникли новые проблемы. «Нам пришлось ещё, – пишет Антонов-Овсеенко, – разрешать с Украинским и Донским

⁴³¹ Ещё 22 февраля (7 марта) на заседании временного Ростово-Нахичеванского комитета РСДРП(б) Васильченко, вместе с Чернышёвым и Власевым, был избран в состав президиума.

правительствами тяжёлый вопрос о разоружении наших частей, переходящих на территорию Дона. Как невходящая в состав Украины, Донреспублика была заинтересована проявить свой нейтралитет в борьбе нашей с немцами, дабы не дать им предлога расширить территорию их оккупации. Мы договорились о мерах к формальному разоружению наших отрядов при переходе ими за определённо очерченные рубежи Донской республики. Правительства Донецкой и Донской республики должны были послать особых уполномоченных к германскому командованию договориться о приостановке военных действий на известных рубежах».

Началась естественная в создавшихся условиях неразбериха. Каждый понимал «разоружение» по-своему. Так, Скрыпник распространил постановление Народного Секретариата и ЦИК Ук, которое прямо указывало, что необходимо производить не только сдачу оружия, но и расформирование и роспуск пересекающих границу Дона частей. С аналогичной нотой № 935 выступил 11(24) апреля и Совнарком Донской Советской республики.

«В Таганроге, – вспоминал Антонов-Овсеенко, – уже начались попытки такого разоружения. Кое-где местными властями эти приказы были восприняты совсем всерьёз, и от наших отрядов требовалась подлинная сдача всего оружия и расформирование⁴³². Но, в большинстве случаев, ограничивались складыванием всего оружия в определённых вагонах, следовавших в одном эшелоне с разоружённым отрядом. Впоследствии такая тактика нам обошлась дорого в борьбе у Черткова.

23 апреля командарм-1 сообщал (из Иловайской):

«Приехали представители Донской республики, комиссар по делам народного хозяйства с чрезвычайными полномочиями по организации разоружения и интернирования войско-

⁴³² Об этом же свидетельствовал и И.П. Борисенко: «Для доказательства самостоятельности Дона, – писал он, – пытались даже на границе с Украиной выставить нечто вроде заградительной линии из Донских отрядов, которые должны были разоружать украинские части. Но этим ходом остановить немцев, конечно, не удалось – для них Дон являлся «большевистской территорией», которая должна была быть оккупирована согласно их операционного плана».

вых частей, переходящих из Украины границу Российской республики в Макеевском районе Донской области, а также для ведения переговоров с германским военным командованием и военным командованием Центральной рады об установлении границы Донской республики. Мандаты выданы Центр. исполн. комит. Донской республики № № 178 и 179. Подпись Орджоникидзе. Комиссар Бажанов предлагает: 1) воспретить всякие военные действия в пределах Донской республики; 2) удалить со станций эшелоны или разоружить; 3) организовать заставу по всей границе Донской республики, Макеевского района – Юзовка – Ясиноватая; 4) послать парламентёров для немедленного установления места и времени переговоров Бажанова с германским командованием и командованием Рады».

Подобные же комиссии от Донправительства выезжали на встречу немцам у Дебальцева и у Луганска. Немецкое командование, насколько знаю, от разговоров не уклонялось, обещало запросить инструкции, а наступления не приостанавливало...»

Без сомнения, приказ о разоружении в войсках распространить успели. И когда Миллеровский совдеп требовал складировать вооружение в отдельные вагоны, удивления это у командиров не вызывало. Многие из них сами разоружали свои отряды и без дополнительных требований местных Советов. Люди были уверены, что находятся вне зоны военных действий, и опасность им уже не угрожает.

Всё это самым непосредственным образом сказалось на судьбе Тираспольского отряда, а во многом и предопределило его разгром. Но уже и после трагедии Совнарком продолжал настаивать на разоружении⁴³³. Определяющим

⁴³³ 21 апреля (4 мая) Совет Народных Комиссаров издал следующее постановление:

«1) Строжайше наблюдать за тем, чтобы отдельные, ещё не разоружённые отряды бывшей армии Южных Республик немедленно разоружались по переходе через границу Российской Советской Республики.

2) Поставить немедленно через парламентёров в известность наступающие германские и гайдамацкие отряды о том, что отступившие за нашу границу Советско-украинские отряды нами разоружены и, таким образом, устранён какой бы то ни было повод для перенесения борьбы на территорию Российской Республики;

было – любой ценой не допустить конфликта с немцами.

Второй серьёзной угрозой стала перспектива выхода германских войск от Сватово и Старобельска непосредственно к полотну Юго-Восточной магистрали. «По этой жел. дороге, – пишет Антонов-Овсеенко, – текла основная волна нашей эвакуации, и шло снабжение центрального района топливом. Это был также один из возможных путей отхода наших войск».

Но из оперативного – для отступающих Украинских армий, дорога приобретала стратегическое значение для Советской республики в целом. Помимо упомянутой линии Юг страны связывала с Центром лишь железнодорожная магистраль, проложенная через Царицын на значительном удалении.

Небольшой, в несколько километров, отрезок Юго-Восточной дороги находился на территории Харьковской губернии, и немцы имели основание взять его под свой контроль. Но удерживать в своих руках участок степи было крайне затруднительно. Очевидно было, немцы постараются магистраль перерезать и при этом займут расположенную в непосредственной близости станцию и посёлок Чертково⁴³⁴.

3) Ввиду этого, предложить через означенных парламентёров германско-гайдамацким отрядам заключить соглашение о немедленном прекращении военных действий и установить демаркационную линию.

4) В случае, если бы германско-гайдамацкие отряды, отклоняя предложение и попирая условия Брест-Литовского мира, продолжали наступать на нашу территорию, – защищаться до последней капли крови, мобилизуя и вооружая всё взрослое население угрожаемых областей.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)».

Донское советское правительство действовало в том же ключе. Вступивший 7(20) апреля в командование 1-й Украинской армией Харченко докладывал Антонову-Овсеенко:

«Главкомандующий Донской республики тов. Ковалёв, по нашем прибытии в Зверево, издал приказ по всем армиям, согласно которого все войска, вступившие на территорию Донской республики, обязаны подчиняться только ему, и всякие продвижения по жел. дороге, без его на то разрешения, воспрещаются. При разговоре с тов. Ковалёвым, он уверял меня, что немцы на территорию Донской республики не пойдут, и предлагал мне, чтобы я свои войска разместил в Новочеркасске и других городах Донской республики...»

⁴³⁴ Опасность этого осознали и в Москве. 9(22) апреля Антонов-Овсеенко получил следующее, подписанное Лениным, предписание: «22 апреля в 11 часов ночи Совнарком постановил: предложить Военному Комиссариату

Были приняты определённые меры. Из Москвы прибыл сформированной группой генштабистов «военспец», левый эсер Мстиславский⁴³⁵. В его задачу входила организация обороны участка Юго-Восточной магистрали от Воронежа до Лихой и, в частности, Чертково. Отношения с Антоновым-Овсеенко у не страдающего отсутствием амбиций Мстиславского не сложились. Группа его действовала вяло. «Вскоре, впрочем, – пишет Антонов-Овсеенко, – штаб Мстиславского закончил своё эфемерное пребывание на нашем фронте, отбыв обратно в Москву».

8(21) апреля Троцкий вызвал в Москву и Антонова-Овсеенко. Там на заседании Высшего военного Совета, им был сделан доклад о положении советских войск в Украине. Вывод был неутешительным: борьба подходит к концу. Тем не менее, Антонову-Овсеенко было предложено «продержаться ещё некоторое время», в том числе, и по политическим соображениям. Ожидались переговоры с Радой о мире и о границах Украины. Было также согласовано, что основная масса войск должна отходить в пределы России через Миллерово на Лиски. Особо подчёркивалось, что при этом они должны разоружаться.

К вечеру 11(24) апреля Антонов-Овсеенко был уже в Чертково. Кое-какие силы были подтянуты, но они занимали оборону не непосредственно у станции, а восточнее. И когда эвакуация стала всеобщей, проследовали с отступающими отрядами на Лиски, не задерживаясь в Чертково. В итоге, в распоряжении утверждённого «командующим Чертковского района» Назарова⁴³⁶ оказалось до 150 штыков и 150 сабель. Если пехота казалась надёжной, то конники устойчивостью не отличались, и

принять незамедлительно все зависящие от него меры для обороны восточной границы Харьковской губернии, особенно же станции Чертково, занять которую стремятся немцы и гайдамаки для перерыва железнодорожного сообщения с Ростовом.

О деталях переговорить со Сталиным».

⁴³⁵ Руководствуясь, вероятно, заявленной позицией своей партии, Мстиславский называл свою группу «штабом формирований партизанских отрядов». И рассматривал свои задачи, в том числе, и под этим углом.

⁴³⁶ Начальник направленного ранее в Старобельск «агитационно-организационного отряда».

ещё в Чертково, недовольные плохим снабжением, «замитинговали».

С этими силами Назаров выдвинулся к Беловодску. Здесь конница сразу же открыла беспричинную беспорядочную стрельбу. Её прекратило появление у города немецкой разведки, от боя уклонившейся. С большим трудом удалось направить конников далее, к Старобельску. Недалеко от Беловодска они встретили ничтожный, в два десятка сабель, германский разъезд и преследовали его. Причём, пострадала и разведка Тираспольского отряда. Надлежащая связь налажена не была. Автомобили «тираспольцев» приняли за немецкие и обстреляли. Два из них сгорело.

К этому времени были получены сведения, что от Евсуга продвигаются две колонны германских войск с артиллерией. Назаров принял решение выдвинуться западнее Беловодска и обороняться. Но под влиянием слухов о намечавшемся обходе конница стала разбредаться «куда попало». Вслед за ней заколебались и пехотинцы. В результате Назаров вынужден был отойти вначале к Стрельцовке и Великолуцкому, а затем, и к Чертково. Здесь пехота стала разоружать конников «за безобразия».

Всё же Назарову удалось навести относительный порядок. К тому же, им была подчинена часть артиллерии «тираспольцев», следующих на Лиски по железной дороге. 14(27) апреля его отряд в 150 штыков, 100 сабель при 2-х орудиях вновь выдвинулся к Стрельцовке. Вечером к нему прибыл помощник командира Тираспольского отряда Гарькавый, который сообщил, что часть «тираспольцев» находится в селе Моисеевке, в восьми километрах от Стрельцовки. Наутро он уехал, пообещав, что «тираспольцы» вскоре подойдут. Однако, вместо них, с запада пришли немцы.

Назаров развернул свой отряд навстречу. Пехота рассыпалась в цепь, конница стала на флангах, оба орудия – за селом. Завязался бой, который длился 5 часов. Немцы, нащупав расположение батареи, засыпали её снарядами. Артиллеристы снялись с позиции, и вышли из боя. За ними в бегство устремились

конники, а затем, наблюдая происходящее, отошла и пехота. «Тираспольцы» так и не появились.

О дальнейших событиях можно судить из следующего донесения Назарова: «...Таким образом, – сообщал он, – Чертково оказалось сразу открытым. Вдобавок, разведка сообщила, что немцы показались уже и в Великолуцкой. Батарея, правда, у станции собиралась выступить, но не было решительно никакого прикрытия для неё, ибо пехота отошла из Стрельцовки налево, по направлению к Моисеевке. Конница была вся страшно утомлена и никуда не годна. Скорой помощи ждать было неоткуда, ибо и раньше все просьбы о ней были тщетны. Учитывая всё это и ожидая каждую минуту немецких гостинцев (Великолуцкая в 8–10 верстах от Чертково), я решил, что сейчас самое благоразумное – эвакуировать станцию и пропустить поезда, проходящие на север, в как можно большем количестве, ибо это была последняя магистраль. Это и было исполнено.

Ночью из Кантемировка я доложил в ставку Баранову⁴³⁷ всё случившееся. Он приказал мне отправиться назад в Чертково и вызвал на помощь из Миллерова эшелон чехословаков. Я на паровозе с несколькими пулемётами и разведчиками отправился немедленно назад. Между тем, немцами ночью взорвано полотно железной дороги между Чертково и Маньково, с одной стороны, а затем и между Чертково и Зориновкой – с другой. А потому пришлось немного задержаться в пути. Усилиями железнодорожников всё же удалось восстановить полотно. Между тем, в Чертково прибыл отряд чехословаков, «Молния»⁴³⁸ и вновь сформированный отряд рабочих Юзова. Последние два уже разоружены, причём всё снаряжение было сложено в отдельные вагоны и прицеплено к их же составам. Переговорив с Миллерово, я решил вооружить их снова, как находящихся опять на территории Украины. Распорядился подать конницу чехословаков на выгрузку, дабы немедленно организовать разведку. Тищенко направил переговорить с «Молнией», сам же пошёл к

⁴³⁷ П.И. Баранов – в 1917 г. председатель фронтового отдела Румчерода, с января 1918 г. председатель ВРК 8-й армии, с 25 марта (7 апреля) по 7(20) апреля командующий 2-й Украинской армией.

⁴³⁸ Один из сохранивших боеспособность советских отрядов.

чехословакам. Узнав общее положение вещей, они решительно отказались выступить, решив, что тут надо проходить с боем дальше на Лиски. В этот момент как раз доносят, что на пригорке показалась немецкая разведка. Сейчас же немцы стали сыпать из орудий.

Я приказал выйти из эшелонов, но всё смешалось, и никто не обращал никакого внимания на эти приказания. Между тем, немцы пристрелялись и били без промаха прямо в вагоны. После первого же выстрела они поставили паровоз чехословацкого эшелона вверх колёсами. Бросился искать дежурного по станции, но он куда-то исчез. Вокзал был совсем пуст. Два паровоза с пулемётами пытались было прорваться: один – к Зориновке, другой – к Маньково. Здорово работали пулемётчики, дорого досталось немцам подбить эти паровозы, но всё же прорваться не удалось, – немцы снарядами взорвали полотно. Начали было работать и наши орудия с платформ, но скоро немцы заставили замолчать и их. Работали пулемёты и с той и с другой стороны, но, в конце концов, всё же, под организованным натиском, наши отряды, смешавшись, направились маленькими группами: кто к Кантемировке, кто в Калач через Богучар. В Чертково же остались разбитые эшелоны и станция, а над всем этим – столб дыма и пламени от горящих и взрывающихся вагонов со снарядами. С час немцы продолжали обстрел из орудий по отходящим группам наших частей, затем прекратили. Конница их преследовать нас не могла, ибо почти вся была перебита пулемётным огнём пытавшихся прорваться паровозов...»

Сам Назаров с несколькими бойцами вынужден был покинуть станцию и, в итоге, оказался в Миллерово. Оттуда он уходил на Царицын уже вместе с Ворошиловым.

Немцы в тот день Чертково не заняли. Очевидно, их командир, допуская вероятность появления новых советских отрядов, посчитал, что солдат у него слишком мало. К тому же своей цели он добился. Железнодорожное полотно в районе станции было разрушено. Дорога, загроможденная разбитыми и сгоревшими вагонами, к тому же находилась теперь под прицелом артиллерии.

Подобный разгром сохранивших боеспособность и дисциплину, не раз проявлявших стойкость отрядов, может быть объяснён лишь одним: подвергнувшиеся внезапному нападению бойцы, в большинстве своём, были без оружия. Выгрузить и разобрать под артиллерийским огнём винтовки и боеприпасы из вагонов не получилось. Охватившая людей паника довершила дело⁴³⁹.

Ровно то же повторилось в Чертково спустя сутки. Об этом свидетельствует полученная Главштабом следующая телеграмма: «Из Богучара. Примите к сведению, что Енакиевский районный штаб с четырьмя партизанскими отрядами 29 апреля на станции Чертково разбит. Неожиданность нападения противника и будучи разоружёнными Миллеровским совдепом, не дали спасти что-либо важное, находившееся при нас. Необходимо ваше распоряжение, чтобы все бумаги за печатями Енакиевского районного штаба и партизанского отряда «Свободное солнце» считались недействительными, так как могут быть злоумышления...»

Попытку восстановить контроль над Чертково и ликвидировать перечёркивающую все ранее принятые планы пробку предпринял командарм-3 Чикваная⁴⁴⁰. 17(30) апреля он разослал всем оказавшимся под рукой отрядам бывшей 3-й армии такой приказ: «Чертково взято немцами, – путь для эвакуации имущества и вывоза наших отрядов через Чертково отрезан. Кто ещё считает себя революционером, сообщите о своём местонахождении и выгружайтесь немедленно для наступления на Чертково. Все необходимые технические имущества будут поданы из Лисок. С получением этой телеграммы вами, выезжаю со штабом в Чертково. Есть возможность восстановить революционное имя. Пусть самовольный уход 3-й армии с фронта передастся в область предания. Докажите, что вы револю-

⁴³⁹ «Стремление к «лояльности» в отношении германцев, – с горечью пишет Антонов-Овсеенко, – побуждавшее наших товарищей из Донправительства настаивать на разоружении наших отрядов, сыграло в этом деле не последнюю роль...»

⁴⁴⁰ С 5(18) апреля Е.И. Чикваная вступил в командование 3-й Украинской армией вместо отозванного в Главштаб П.С. Лазарева.

ционеры. Ответ: Лиски. Командарм особой армии Чикваная».

Энергичный командир, он пытался организовать комбинированный удар. Сам, собрав наскоро немного пехоты, располагая также двумя броневиками и подошедшим из Воронежа бронепоездом № 4, должен был наступать на Чертково с севера. При этом мыслилось, что «тираспольцы» ударят с востока, а отрезанные немцами советские отряды – с юга.

18 апреля (1 мая) отряд Чикваная стал выдвигаться к Чертково. Но проследовав до Журавки, он вынужден был остановиться. Пути за станцией оказались разобранными. Разведка доложила о том, что силы немцев значительны, и они успели укрепиться. Какого-либо нажима советских войск с других направлений не ощущалось...

17(30) апреля Чертково действительно было занято незначительным германскими силами. И это стало едва ли не ключевым фактором для последующих событий. Лишь небольшая часть советских отрядов, отходивших из Украины, успела проскочить на Лиски и Богучар. «Тираспольцы» также продвигались к границам Воронежской губернии, но следовали походным порядком. От железной дороги они приняли вправо и вскоре подходили к станице Мигулинской.

Основная же масса войск вынуждена была отказаться от северного направления. Одна её группа устремилась от Миллерово на Лихую и далее к Царицыну. Другая – без задержек проследовала к Новочеркаску и Ростову, откуда при необходимости нетрудно было переправиться на левый берег Дона.

Для Донского Совнаркома потеря Чертково означала, что в случае вторжения Центр не сможет оказать Донской Советской республике существенной помощи. И теперь судьба Ростова зависела лишь от того, предусматривают ли германские оперативные планы занятие города.

19 апреля (2 мая) Антонов-Овсеенко выехал в Воронеж, чтобы обсудить с командующими собранных там отрядов перспективу наступления на Харьков. Он считал, что продолжение борьбы ещё возможно. Но в тот же день в телефонном разговоре Х.Г. Раковский заявил ему следующее: «Нам нужно ликви-

дировать дело с Украиной, по крайней мере, временно, дожидая более благоприятной исторической обстановки. Мы дошли до последних пределов возможности. Боюсь, что послезавтра, если наши отряды, разбитые при Коренево, будут продолжать отступление, Курск будет занят немцами. То же грозит Севастополю, Воронежу и Ростову. Мы приехали заключать мир⁴⁴¹. Необходимо предупредить, чтобы немецкая армия, втянутая нашими отрядами, не продвигалась дальше... Вы отлично понимаете, насколько важно зафиксировать немецкое наступление раньше, чем Курск, Севастополь и Воронеж попадут в руки неприятеля...»

21 апреля (4 мая) Антонов-Овсеенко выехал в Москву. В Кремле он пытался доказать, что наступление на Харьков ещё может иметь успех и улучшить общее положение. Но Ленин и Троцкий солидаризировались с мнением Раковского. «Мне было предложено, – пишет Антонов-Овсеенко, – сложить командование и объявить вооружённую борьбу на Украине прекращённой».

Здесь же в Кремле им был издан последний приказ:

«Советским правительствам Украины и Донецкой рабочей республики.

Выполняя волю советской власти на Украине и в Донецкой республике, я, в течение двух месяцев, в меру своих сил, руководил борьбой советских украинских и донецких войск против немецко-гайдамацкого вторжения. Ныне советские войска отступили за рубежи Украины, как они определены третьим универсалом, и, согласно требования Брест-Литовского договора, подверглись разоружению со стороны советской власти Российской республики. Ввиду этого, в полном согласии с вами, заявляю о прекращении мною военных действий против немецко-гайдамацких войск и о сложении мною звания Верхов-

⁴⁴¹ Ранее, 16(29) апреля Антоновым-Овсеенко была получена следующая телеграмма: «Из Москвы, Кремля. Ростов н/Дону. Чрезвычайному комиссару Орджоникидзе для Антонова. Настоятельно прошу не вмешиваться в дело посылки парламентариев и помочь всячески скорейшей приостановке военных действий. Мирная делегация наша из Сталина, Раковского и Мануильского уже в Курске. Председатель Совнаркома Ленин».

ного главнокомандующего Южных республик. Выражаю уверенность в конечном торжестве рабочего класса и социальной революции.

4 мая 1918 года. Бывший Верховный главнокомандующий Овсеенко-Антонов».

Приказ немедленно отправили по телеграфу в войска. 27 апреля (10 мая) Главштаб Южных республик был расформирован. Территорию Украины на продолжительное время заняли австро-германские войска...

8.9. РОСТОВО-НАХИЧЕВАНСКАЯ ТРУДОВАЯ КОММУНА

На Дону Советская власть помимо чисто военных столкнулась и с нарастающими экономическими трудностями, которые, впрочем, поначалу не выглядели угрожающими. Все проводимые в Области «социалистические преобразования» свелись в основном к национализации банков и крупных промышленных предприятий, но почти не затронули аграрной составляющей.

Землю ни у казаков, ни у крестьян никто не отбирал. Частная торговля и даже мелкие закупочные конторы – посредники между городом и селом запрещены, как правило, не были⁴⁴². Во всяком случае, о недостатке продовольствия говорить поначалу не приходилось. Рабочие же и красногвардейцы получали гарантированное жалование, в том чис-

⁴⁴² «Для данной стадии русской революции, – говорил С.И. Сырцов 22 февраля (7 марта) на одном из первых заседаний Ростовского совета, – знаменательно единение мелкой буржуазии с пролетариатом... Мелкая буржуазия не вернётся крупной».

Впоследствии, помимо обвинений во «фракционной деятельности», ему припомнили и это высказывание. Видимо, при всём при том, этот человек ощущал, если не ответственность, то обеспокоенность за возможные последствия. И, по крайней мере, представлял, к чему может привести обрыв налаженных хозяйственных связей в аграрном крае, произведённый без слома старой экономической системы и построения новой.

Впрочем, совершать тактические ошибки, граничащие с преступлением и проводить политику ничем не оправданных массовых репрессий, которые, в конце концов, и спровоцировали восстание, это ему не мешало.